

не пересекаются. Единственное, что сближает марксизм и постмодернизм, - это явление форм отчуждения. Постмодернизм исходит из позиции, что все есть формы превращения, марксизм же полагает, что реальна и действительна только экономика, всё остальное – формы отчуждения. При этом главная заслуга марксизма, считает Ильин, в том, что он показал наличие капитализма.

Согласно мнению доктора философских наук, доцента Надежды Ивановны Савцовой, постмодернизм являет собой лишь один из возможных интеллектуальных проектов, который сегодня вызывает крайне неоднозначное отношение в самой Франции. Попытки соединить его с марксизмом интересны, но непродуктивны и в любом случае не выходят за рамки публицистики.

Как предположила доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории дискурса и коммуникации филологического факультета МГУ Татьяна Дмитриевна Венедиктова, существует несколько способов соположения модусов «марксизм» и «постмодернизм». Однако самым целесообразным является обсуждение дискурсивных интерпретаций. В данном случае, считает специалист, интересна позиция радикальных подозрений в отношении властных социальных форм, а также их критический анализ.

В заключении дискуссии участники пришли к выводу, что пересечение марксизма и постмодернизма носит по большей части характер дискурсивного взаимодействия и уже само по себе говорит о стремлении каждого из направлений нащупать пути дальнейшего развития в современных условиях.

Доклады

О. Б. Подвинцев

ПРОБЛЕМА «ВЕЛИЧИЯ РОССИИ» И СОВРЕМЕННАЯ

Подвинцев
Олег Борисович

доктор политических наук,
директор Пермского филиала
Института философии и права
УрО РАН, г. Пермь

Признание желательности и необходимости для России быть «великой» является общим фактически для всех ведущих современных политических сил и идейно-политическими течений страны и задает рамки для дальнейшей полемики. При этом позиции по вопросу о том, в чем именно должно заключаться «величие России», как и следовало ожидать в такой ситуации, зачастую не только различаются, но и исключают друг друга. Как правило, «величие» непосредственно связывается с «державностью». Последнюю в рамках данного дискурса мы бы определили как «мощь и/или превосходство государства, выявляемые при сопоставлении с ему подобными».

Характерной чертой современных представлений о «державности» России является стремление распространить ее не в целом на результаты соревнования государств, а лишь на отдельные его стороны и критерии. Понятие «великая держава» в отношении настоящего, а чаще даже будущего России употребляется с тем или другим определяющим прилагательным. Самый яркий пример – «великая энергетическая держава». Но есть и множество других: от «великой космической» до «великой футбольной».

Еще один показательный момент, с нашей точки зрения, заключается в том, что традиционные показатели державности, такие как военная мощь, наличие сфер влияния, роль в решении глобальных мировых проблем, как правило открыто используются лишь маргинальными политическими силами. Все же солидные игроки на современном политическом поле России признают необходимость переосмысления «державности».

Не является исключением и «партия власти». При чем в этом отношении она демонстрирует определенное постоянство. Так, еще в одном из проектов программы партии «Единство» говорилось: «В современном мире державная мощь страны проявляется не столько в военной силе, сколько в способности генерировать и использовать новые технологии, охранять свою безопасность, отстаивать национальные интересы на международной арене, обеспечивать высокий уровень благосостояния народа, поддерживать морально-психологическое единство граждан». В предвыборной программе партии «Единая Россия» в 2007 г., провозглашающей в качестве стратегической цели «строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации», далее сочетание «великая держава упоминается еще дважды – один раз в связи с необходимостью перехода к инновационной экономике, а второй формирования «психологии победителем», примером которой должны послужить «предки». В этом отношении нет формального основания для противопоставления с «Единой Россией», которое проводится в предвыборной программе Союза правых сил: «Они – за «великую державу», и поэтому хотят, чтобы в мире нас боялись. Мы – за великую Россию - комфортную для жизни, процветающую и динамично развивающуюся страну, которую поэтому будут уважать во всем мире». Более значимо еще одно различие, подчеркиваемое в другом программном документе СПС: «Основой истинного величия России является наша свобода. Для свободных граждан естественно любить свою страну, а для великой державы естественно всемерно поощрять свободную инициативу своих граждан».

Наконец, следует отметить, что при обосновании новой российской державности очень большое значение представителями различных идейно-политических лагерей придается духовной сфере. При этом происходящие в ней процессы могут рассматриваться как необходимое условие и основание для возрождения державной мощи (та же самая «психология победителей» единокороссов), но могут подаваться и как самодостаточное ее выражение. Характерным в этом отношении можно считать такие суждения как «Сегодня многие

считают, что Россия уже не является великой державой, но ее величие сегодня состоит не в материальном производстве, а в возрождении духа Православия, православной культуры, науки, забытых миром с времен гибели Византии», но при этом могут даваться и принципиально иные трактовки духовности.

Все эти черты «державного дискурса», включая и

его всеобщность, с нашей точки зрения свидетельствуют о продолжающемся процессе адаптации общественно-политического сознания российского общества к постимперским реалиям. И о вступлении этого процесса в новую, решающую, стадию, которая может привести как к обострению имперских рецидивов, так и к постепенному снятию проблемы.

Т. Д. Венедиктова

ЖЕРТВЫ СОБЛАЗНА КАК АГЕНТЫ КУЛЬТУРНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ (К АПОЛОГИИ «НАИВНОГО» ЧИТАТЕЛЯ»)

Венедиктова
Татьяна Дмитриевна

доктор филологических наук, зав. кафедрой теории дискурса и коммуникации Филологического факультета МГУ, г. Москва

Масса – это матрица, из которой... всякое привычное отношение к произведениям искусства выходит перерожденным.

В. Беньямин

Слово «литература», заметил английский литературовед Джон Эллис, в использовании похоже на слово «сорняк». Оно может обозначать любую траву, которая не имеет ценности и предполагает определенный род действий - удаление с грядки. Так и словом «литература» обозначаются тексты (вообще-то на удивление разные!), которым приписывается заведомая повышенная ценность и в отношении которых приняты особые практики производства. А также восприятия, хотя эти последние в особый предмет систематического внимания стали выделяться лишь в недавно. История литературы сложилась как история писателей, и иерархия пишущих и читающих многими по сей день воспринимается как естественная, даже - культурообразующая. Автор в этой системе - фигура с именем и авторитетом, уподобляемая отцу-зачинателю, если не Богутворцу, читатель, напротив, - фигура анонимная, подчиненная, инертная, пассивная, массовидная, невидимая.

Впрочем, высшее место в вышеупомянутой иерархии (т.е. внутри литературы как сложившегося культурного института) принадлежала всегда не писателям, а экзегетам, авторитетным толкователям, знатокам, наделенным правом определять и тем самым стабилизировать «истинный смысл» произведений. Остаточный сакральный статус, каковой литература сохраняла в европейской культуре Нового времени, способствовал устойчивому воспроизведению такого порядка, и поддержание его не составляло большой проблемы, пока пишущие, читающие и судящие составляли сообщество, - хоть и обширное, но с обозримыми границами.

История чтения, однако, была историей расширяющегося доступа к тексту. Новая степень доступности всякий раз ассоциировалась с опасностью со стороны «новичков» - лиц, не принадлежащих или принадлежащих не вполне к образованной элите, отмеченных тем или иным видом культурной «незрелости», инаковости. Кто оказывался в «группах риска»? женщины, дети,

простолюдины, - невымуштрованные школьной дисциплиной и потому грешившие, как правило, склонностью к т.н. «наивному» чтению. Последнее подразумевало незнание условности или пренебрежение ею, неумение выдержать должную дистанцию по отношению к воображаемому миру, неспособность отличить второстепенные, поверхностные, субъективные смыслы от глубинных, препологаемо имманентных тексту. Образец тому - казус Паоло и Франчески из «Божественной Комедии» Данте. Эти беспечные, слишком юные читатели предавшиеся чтению романа наедине, в отсутствие благого учительского попечения, прочли, вместо назидания, заключенного в тексте, желаемое для себя - сладкий соблазн, и в итоге оказались обречены на вечную муку.

У несчастных любовников - обширная родня из «малых сих», в разное время павших жертвами букв и строчек, безобидных только на первый взгляд. Микроисторик Карло Гинзбург в книге «Сыр и черви» представил нам такого безвестного героя - мельника Меноккио, любителя чтения, жившего в XVI веке в затерянном среди гор селении на севере Италии. Выбор книг, доступных Меноккио, был невелик - Библия, Декамерон, некая анонимная Легенда страшного суда, - и главное заключалось вовсе не в том, что он читал, а в том, как. Из книг, вполне благонамеренных, он умудрялся вычитывать странную ересь, за которую был дважды судим святой инквизицией и в конце жизни, упрямец, взошел на костер. «Восприятие книжного текста, - комментирует историк, - было у Меноккио односторонним и произвольным: он как будто лишь искал подтверждения своим уже прочно укоренившимся идеям и убеждениям... выхватывал... отдельные слова и фразы, которые при этом не могли не исказиться... соединял разведенные в источнике места, устанавливал между ними неожиданные аналогии»¹. И здесь речь идет о «неправильном», дробном, поверхностном чтении, откровенно эмоциональном, субъективном, нестойком к соблазнам метафоры и не рассчитанном на удержание в памяти последовательности аргументов... Что это: исключительный печальный случай, курьез? Или Меноккио для Гинзбурга (как Франческа и Паоло - для Данте) - в каком-то смысле «всечеловек»: его относительная неученость делает ситуацию не исключительной, а всего лишь ярко выраженной? Разве мы не всегда читаем не вполне то, что написано? Применительно к литературе актуальность этого вопроса особенно очевидна. Художественный текст, в силу самой своей образно-иносказательной природы, не только дает право, но даже обрекает на своеволие, необходимость выбора «своего» смысла из многих возможных. Это право на выбор, творческий по своей сути, мы реализуем в меру сил, бессознательно,